ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА 26.06.2026 | Лутц Фрюбродт

Европа – колония ИИ

Искусственный интеллект возглавит новую промышленную революцию. Без своей инфраструктуры Европе грозит зависимость от внешнего влияния.

Совсем недавно компания SpaceX разместила на бирже рекордное за все время ее существования количество акций. Интересно, что американское аэрокосмическое частное предприятие, владельцем которого является Илон Маск, основало и развивает xAI, важное направление в сфере искусственного интеллекта. На биржу стремятся выйти OpenAI, материнская компания ChatGPT и конкурент Anthropic с языковой моделью Claude. На рынке капитала эти две компании оцениваются в $850 млрд и $965 млрд соответственно. Для сравнения: их самый большой европейский конкурент Mistral с чат-ботом Vibe (ранее Le Chat) оценивается всего в 11 млрд евро.

Об американском ажиотаже вокруг ИИ говорят многие. Но «золотая лихорадка» на рынках капитала имеет также реальную экономическую подоплеку. «Агентный ИИ» – основной тренд. До сих пор чат-боты выискивали информацию, занимались формулировкой и программированием. А теперь, на следующем этапе своего развития, они самостоятельно выполняют задачи не только для частных лиц, но и для предприятий: в качестве агентов управляют бизнес-процессами, организуют рабочие потоки, оптимизируют цепи поставок и готовят рекомендации по принятию решений.

Считается, что компания Anthropic является первой, кто начал работать в этом направлении. С другой стороны, немецкий поставщик корпоративного программного обеспечения SAP ощутил болезненные последствия этой тенденции. Курс акций этого европейского концерна, являющегося флагманом на рынке, за год существенно упал. При этом SAP является символом того, что, вероятно, в целом ждет европейские экономики. Искусственный интеллект, повышая эффективность бизнес-процессов, кардинально изменяет распределение сил между государствами в промышленной

сфере.

В этом контексте понятие цифрового суверенитета не ограничивается частным использованием социальных сетей или приложением Microsoft в государственном администрировании. В более широком смысле речь идет о том, будут ли работать европейские предприятия в будущем на иностранных «операционных системах» и не приведет ли это к полной экономической и политической зависимости. Дело не только в уровне программного обеспечения. Экосистема искусственного интеллекта США уже сегодня действует как цифровая паутина, в которой европейцы буквально запутались.

Amazon и Microsoft доминируют в сфере мегаоблачных сервисов, а европейские провайдеры в лучшем случае занимают нишевую позицию. Похожая ситуация наблюдается в области центров обработки данных, где происходят процессы работы искусственного интеллекта. В сегменте высокопроизводительных микрочипов Nvidia имеет существенное преимущество над мюнхенской Infineon.

Экосистема искусственного интеллекта США сегодня напоминает цифровую паутину, в которой европейцы буквально запутались

Если такая тенденция сохранится, то в будущем европейские компании вынуждены будут запускать свои процессы на чужих операционных системах ИИ и правила будут устанавливать другие. Таким образом, в среднесрочной перспективе ЕС вполне может превратиться в колонию США в сфере ИИ. Захват территорий будет происходить не на физическом, а на виртуальном уровне. Этакая цифровая Гренландия.

Как поступить? Брать пример с США – это первый возможный выход. Однако это вряд ли сработает, потому что у Европы нет ни огромных инвестиционных фондов, которые без колебаний выделяют миллиарды на рискованные стартапы, ни преимущественно нерегулируемого рынка, на котором свободно развиваются новые бизнес-модели. К тому же у Европы нет таких гигантов технологического сектора, как Google, Amazon или Microsoft, которые стали крупными инвесторами в OpenAI, Anthropic и другие компании и точно знают, какую стратегию выбрать, чтобы осваивать мировые рынки.

Ориентация на Китай – второй возможный выход. Согласно Stanford AI Index, по своей производительности китайские языковые модели пока лишь немного уступают американским чат-ботам.

Местные компании работают очень эффективно. Так, разработка первой версии DeepSeek, самой известной модели ИИ в Китае, якобы обошлась менее чем в $300 тыс. Кроме стартапа DeepSeek, ситуация в Китае является почти зеркальным отражением ситуации в США: лидерами в сфере ИИ являются гигант электронной коммерции Alibaba, а также материнская компания TikTok с платформой WeChat.

Несмотря на то что многомиллиардные корпорации конкурируют между собой, они должны подчиняться государству, а значит и Коммунистической партии. В то же время Китай имеет грандиозные планы: в ближайшие годы ИИ будут постепенно внедряться во всех важных отраслях – от переработки отходов до сахарной промышленности. Для продвижения этой цели государство инвестирует значительные средства в инфраструктуру ИИ, которая включает в себя дешевое энергоснабжение, огромные вычислительные центры, мегаоблака и производство мощных микросхем.

Следующим краеугольным камнем этой стратегии является призыв покупать китайские ИИ-продукты. Государство показывает пример, ведь государственная администрация активно стимулирует спрос, хотя и за счет значительных инвестиций в программы безопасности. Даже если отдельные элементы этого подхода кажутся стоящими, китайский ИИ не может быть полноценной альтернативой для демократической Европы.

Третий возможный выход – это автономная стратегическая промышленная политика, в рамках которой государство, то есть ЕС, целенаправленно и скоординированно развивает европейскую инфраструктуру ИИ, разрабатывает операционные системы и устанавливает демократические стандарты доверия.

ЕС не сидел сложа руки. Многие инициативы остаются фрагментарными и сопровождаются неудачами. Важнейшим пакетом мер является Invest AI, с помощью которого Европейская комиссия планирует привлечь 200 млрд евро инвестиций в ИИ. Это программа, работающая по принципу рычага: средства ЕС будут поступать в больших объемах только при условии активного участия частных инвесторов. Но значительными инвестициями пока что отреагировала японская компания Softbank.

В центре внимания Invest AI стоит строительство центров обработки данных. Некоторые небольшие объекты уже построены, но гораздо большие «мегафабрики» пока существуют только на бумаге. В 2023

году ЕС также пытался стимулировать производство микросхем, в первую очередь предоставляя производителям субсидии. То, что американская корпорация Intel отказалась от планов строить крупный завод по производству микросхем в Магдебурге, можно считать символом ограничений, а то и провала этой программы.

Цифровая инфраструктура будущего не должна находиться в чужих руках

Некоторые подходы существуют, но мы сильно отстаем от США. Все начинается с финансирования. В Отчете Марио Драги о конкурентоспособности Европы, опубликованном в 2024 году, было озвучено требование ежегодно мобилизовать еще 800 млрд евро государственных и частных инвестиций, чтобы ЕС мог конкурировать с США и Китаем в экономической и технологической сферах. Несмотря на то что эта сумма может казаться нереалистичной, она указывает, что предыдущие оценки были слишком осторожны.

Чтобы обеспечить финансирование эффективной стратегической промышленной политики, Европа должна сделать масштабный шаг. В США и Китае уже появились гиганты в сфере ИИ, которые могут использовать свои преимущества масштаба и на международном уровне. ЕС должен целенаправленно работать над тем, чтобы создать «европейского чемпиона». Единственным реалистичным кандидатом на эту роль является компания Mistral AI.

Давайте попробуем представить потенциального лидера в сфере высокопроизводительных микрочипов в Европе. Наиболее вероятным кандидатом является Infineon. До этого компания специализировалась на производстве определенных видов чипов, в частности для автомобильной отрасли, но масштаб ее деятельности позволяет рассматривать компанию как возможный немецкий аналог французской Mistral.

Следует заметить также, что заметно растет скептицизм по отношению к ИИ. Согласно опросу Gallup, проведенному в апреле этого года в США, почти треть опрошенных представителей поколения Z заявили, что испытывают к ИИ гнев. Опрошенные озвучивают широкий спектр вопросов: от кражи данных и присвоения творчества до придуманных результатов, а также риска снижения интеллектуальных способностей и политических манипуляций.

По эту сторону Атлантики скептицизм тоже растет. Такую тенденцию можно считать сигналом о том, что регулирование следует воспринимать не как бюрократическое препятствие, а как возможность и, следовательно, конкурентное преимущество. Искусственный интеллект, созданный в Европе, может стать золотым стандартом для прозрачных моделей, справедливой защиты данных, четких правил ответственности, а также надежных и безопасных для промышленности решений.

Ключевым условием является кардинальное изменение политического мышления в Европе. В Брюсселе и Страсбурге все чаще говорят, что глобальная гонка уже фактически проиграна. Следовательно, Европе лучше сосредоточиться на отраслевом применении ИИ, например, в автомобильной промышленности или машиностроении. Сильные стороны Европы состоят именно в этом. Однако, если одновременно не работать над устранением слабых сторон, европейские предприятия навсегда станут абонентами, которые платят завышенные цены за большие универсальные модели от Anthropic, Google & Co., а также за облачные сервисы Джеффа Безоса или Билла Гейтса, поскольку основной экономический фон компаний в будущем будут определять именно большие языковые модели.

Впрочем, сторонники европейской силы и цифрового суверенитета должны также отказаться от представления, что мир свободной торговли может существовать без изменений, тогда как США и Китай уже давно играют по другим правилам. В этом контексте цифровая инфраструктура будущего не должна оказаться под контролем внешних игроков, особенно государств, использующих торговлю как политический рычаг. Это осознание не является националистическим позерством, а скорее формой экономического самоутверждения.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Лутц Фрюбродт

Профессор, д-р Лутц Фрюбродт (Lutz Frühbrodt) – журналист и экономист. Он руководит магистерской программой по специализированной журналистике и корпоративным коммуникациям Университета прикладных наук Вюрцбург-Швайнфурт.